

Глава 1.

Явление Богородицы

Ласковый летний день клонился к закату. Порозовевшее солнце отражалось в водах тихо журчащей речки Луговки, по берегу которой бродили пятнистые коровы. В траве шелестели стрекозы и гудели кузнечики. Пастушок Тимофей, пятнадцатилетний отрок с копной соломенных волос, достал из холщовой сумки тростниковую дудочку.

Возвращаться домой не хотелось. Обитатели шумного городка Воронича, близ Пскова, славились разгульным нравом, грубостью и беспутством. Ругань, а нередко и потасовки были на улицах этого поселения делом самым обыкновенным. Богатые здесь не жертвовали сирым, ремесленники в мастерских исполняли работу кое-как, а торговцы на рынке и в лавках норовили обхитрить покупателя и подсунуть лежалый товар.

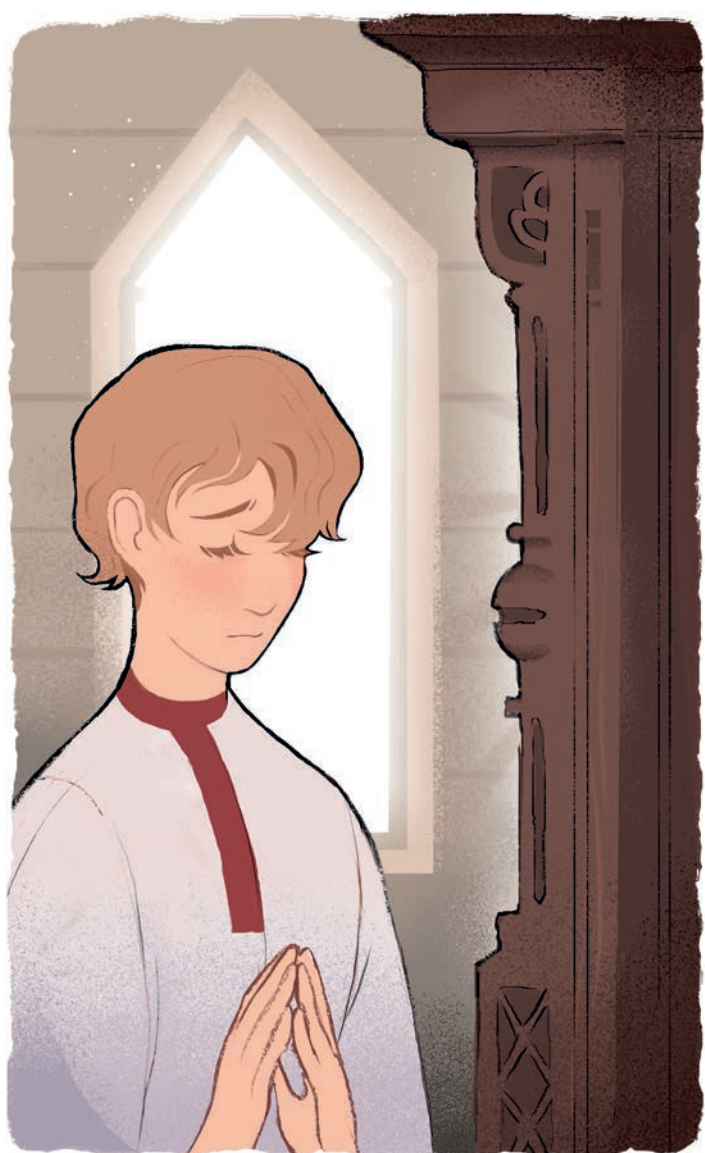
Сверстники не жаловали Тимофея: в игры не брали, обзывали обидными словами, а, бывало, ради забавы потчевали комком грязи.

Душа отрока томилась в Ворониче. С первыми лучами солнца сбегал он из злого города на берег Луговки с тремя коровами и проводил в одиночестве весь день.

С малых лет полюбилось Тимофею молиться Господу Иисусу Христу и Пресвятой Его Матери. Молитвы эти запечатлелись в его сердце в храме великомученика Георгия, издавна стоявшем в центре Воронича. Тимофей часто ходил туда и, слушая льющиеся с клироса

песнопения, нередко забывался в сладостном полусне. В такие минуты сердце его наполнялось покоем и радостью, и казалось, будто где-то рядом стоит сама Пресвятая Царица Небесная и взирает на него ласковым взором. Поэтому, приходя на Луговку, Тимофей опускался на колени в высокой траве и затягивал негромким ломким голоском:

— Царица моя Преблагая, Надежда моя,

Богородица, Приют сирот и странников Защитница, скорбящих Радость, обиженных Покровительница!..

И тогда возвращалось к нему то сладкое чувство, какое бывало в храме. И чудилось пастушку, будто соломенные его волосы ерошит не ветер, а ласковая рука самой Пресвятой Богородицы.

Бывало, простаивал так Тимофей целый день, устремив душу навстречу образу Пресвятой Девы, какой она была изображена на святой иконе «Умиление». Только с последними лучами солнца возвращалась душа его из молитвенных странствий. Тогда дудел пастушок в свирель, заслышав которую коровы послушно собирались вокруг хозяина.

Вот и в этот раз достал Тимофей дудочку и уже набрал было воздуха, чтобы дунуть, как вдруг увидел над речкой свет сильнее солнечного. Душа отрока затрепетала. Из этого неземного света, словно из клубящегося облака, выступила фигура в сияющих одеждах. И была эта фигура точь-в-точь как на той вороничской иконе «Умиление», перед которой любил он молиться.

— Богородица! — едва не задохнулся от восторга Тимофей.

В благоговейном страхе зажмурился, упал в траву и принялся горячо молиться.

— Не бойся, Тимофей, — раздался мягкий голос. — Встань, открой глаза.

Не переставая шептать слова молитвы, поднял Тимофей голову и взглянул на Пресвятую Деву. Слёзы катились из глаз сами собой, и оттого видел он всё в каком-то тумане.

— Ступай сейчас на Синичью гору, — услышал пастушок тот же ласковый голос. — Там откроется тебе Благодать Господа — создателя мира и благодетеля всякому дыханию.

Сказав так, Приснодева перекрестила Тимофея, и тут же облака окутали её фигуру золотыми покрывалами. В следующее мгновение свечение прекратилось и чудесное видение закончилось.

Глава 2.

Путь на гору

«Где же эта Синичья гора?» — подумал Тимофей, когда душа его слегка успокоилась и сердце перестало колотиться в груди.

Он растерянно огляделся, пытаясь уразуметь, куда идти, чтобы выполнить Божью волю. Прямо от его ног вилась еле заметная в траве тропинка, убежавшая в сторону леса. По ней и побрёл Тимофей, не переставая твердить слова молитвы. Брошенные бурёнки с удивлением уставились на уходящего пастушка, который так и не позвал их своей дудочкой в обратную дорогу.

Смеркалось. В лесу становилось всё темнее. Заухали филины, собираясь на ночную охоту. За деревьями заметались серые тени.

Тимофею сделалось жутко в мрачном лесу. Тропинку он потерял и дальше брёл по наитию, припом-

нив, как однажды был с родителями на горе, которую матушка назвала Синичьей.

— Синица — птица добрая, — сказал тогда отец, выискивая под еловыми ветками боровики, — зла от неё не бывает.

— Между прочим, про твоё рождение нам синица поведала! — улыбнулась матушка, добавляя ягоду в Тимофеево лукошко.

— Как это? — удивился мальчик.

— Влетела как-то к нам через окно, посидела на столе да и упорхнула.

— Обыкновенно птица в доме к несчастью, — пояснил отец, — но только не синица. От неё вести добрые, зла не бывает.

— Так мы и узнали, что к весне ждать нам ребёночка...

Светлые воспоминания прервал утробный вой, раздавшийся совсем неподалёку. У Тимофея похолодело в груди. Ноги стали, как каменные, от страху мальчик и шагу не мог ступить.

«Зачем ты пошёл в лес на ночь глядя?» — как будто шепнул ему на ухо чей-то хриплый голос.

— На то воля Божья была, — тихо ответил Тимофей, сам не зная кому, и перекрестился.

«Глупости, — опять зашептал на ухо голос. — Пригрелось тебе всё. Никакой воли нет. А есть злые волки, которые тебя загрызут!»

Тимофей осмотрелся, желая понять, кто это с ним разговаривает. Никого рядом не оказалось. А вот за деревьями он действительно увидел множество жёлтых

огоньков — злые волчьи глаза. Уже не один, а сразу несколько голосов затянули протяжную волчью песню, от которой шевелились волосы на голове.

— Царица моя Преплага, Надежда моя, Богородица!.. — зашептал отрок. — Видишь мою беду, видишь скорбь; помоги мне, немощному, направь меня, как странника...

Не имею иной помощи, кроме Тебя, ни иной Защитницы... сохрани меня и защити...

В то же мгновение услышал Тимофей синичий свист — весёлую незамысловатую песенку, от которой пришёл на сердце покой. Желтогрудая птичка запорхала над головой отрока и устремилась меж деревьев, указывая путь подобно маленькому фонарику. Воспрянув духом, поспешил Тимофей за синицей и сам не заметил, как вскоре оказался у подножия

поросшей соснами крутой горы.

Не так-то легко было взобраться на ту гору: ноги скользили, ветки били по лицу, сухие сучья впивались в бока. Ночь уже вступила в свои права, и только луна, словно зацепившись за верхушку горы, освещала отроку путь наверх.

Поднявшись на гору, Тимофей без сил повалился на землю, и в этот момент всю гору залил свет, который показался отроку одушевлённым, имеющим мысль и силу. Свет окутал его и, казалось, проник в самую душу. Вновь, как и прежде на речке, выступил из света образ Пресвятой Богородицы.